

Рассказы кинорежиссера о многих и немного о себе

<http://beta.oralhistory.ru/talks/orh-1748>

22 июля 2014

Собеседник

Татарский Евгений Маркович

Ведущий

Озерова Екатерина Густавовна

Дата записи

Беседа записана 22 июля 2014 и опубликована 23 февраля 2018.

Введение

Во время беседы с Евгением Татарским в комнату «Ленфильма» зашла Светлана Кармалита. Оба участника уже ушли, а их разговор, живой и влюбленный остался.

— А знаешь, кто к нам пришел? Это Света Кармалита, главный редактор киностудии «Ленфильм». Ты, наверно, есть очень хочешь, Свет?

— Нет. Вы сказали через час, через час я и пришла. Я тихонечко посижу. Помешаю?

— Почему же помешаешь. На чем мы остановились? Все вылетело из башки.

— И не пытайся! Я тоже ни одну фамилию не могу вспомнить. Ни единой!

— Вспомнишь имя, а я фамилию вспомню.

— Требовать от нас, чтобы мы помнили фамилии, — это хамство и душевная глухота!

— Абсолютное!

— Да, безусловно!

— Скажите, Светлана Игоревна, а вы прочитали мою книжку? Сейчас хамство будет в ответ.

— Наша любовь с тобой, Женя, не нуждается в дополнительной подпитке.

— Очень трогательно. А я думал будет так: «Да, а ты подарил?»

— Да, ты подарил, кстати?

— А, кстати, нет.

— Конечно, нет!

Об отце

Екатерина Густавовна Озерова: Я беседую сегодня с Евгением Марковичем Татарским, известным режиссером, сценаристом, народным артистом России, награжденным орденом «За заслуги перед Отечеством», автором книги «Записки кинорежиссера о многих и немного о себе».

Евгений Маркович, вы скромно написали в названии, что «немного о себе». На самом деле хотелось бы узнать о вас побольше. Было бы интересно узнать о том, кто были ваши родители, о вашем детстве, может, о ваших первых воспоминаниях. Если можно, начните с этого.

Евгений Маркович Татарский: Отчего нельзя? Все можно. Папа был инженер на заводе «Светлана». Очевидно, талантливый инженер, потому что у бабушки, у его мамы, хранились вырезки из газет, где было написано о том, что он придумал, как он придумал, чего он придумал. Придумал какое-то устройство многостаночное, чтобы один человек обслуживал сразу десять фрезерных станков.

То, что он был человеком очень музыкальным, я знал от мамы, которая мне рассказывала, что они ходили в кино до войны, а фильмы были музыкальные, он приходил, садился за рояль и воспроизводил все от начала до конца, что они слышали в кино. Потом это подтвердила художник по костюмам Дина Мане, художник от «Ленфильма»: «Женя, а как ваше отчество?» — «Маркович». — «Точно. Вы так похожи на вашего отца». Она знала моего отца до войны. Ее муж был тоже инженер. У них была такая тусовка в Доме ученых. Они собирались по каким-то дням в Доме ученых, или я что-то путаю. Короче говоря, вот такая технически-интеллигентная интеллигенция собиралась. Я не помню, кто это рассказывал, но то, что он был, я помню, был после войны, его передавали по радио, пианист-виртуоз Симон Каган. Это уже дальше то ли мама, то ли Дина рассказывает, что в присутствии моего отца он не садился за рояль. Когда ему: «Симон, ну что?» — «Тут Марк. Чего я буду». Вот так. Я вам коротко о папе доложил.

Е. О.: Да, талантливый человек, я так поняла.

Е. Т.: Талантливый.

Е. О.: И музыкальный, и изобретатель.

Е. Т.: Мама закончила техникум. Я не помню уже сейчас, как назывался ее техникум, но волею судеб она попала на Кондитерскую фабрику имени Самойловой в Ленинграде. Вернее так: она сначала работала на «Светлане», как отец, в лаборатории какой-то технической. А потом во время войны отец все рвался на фронт в 42-м году, и в конце концов его все-таки призвали. А тогда вся «Светлана» имела бронь, и она уехала в Новосибирск. Отец намертво стоял, от хотел добровольцем уйти на фронт. И тоже есть такие газетные вырезки: «завод провожает на фронт своего талантливого изобретателя Марка Татарского». «Комсомолец», — ещё там было написано, — Марка Татарского». Очевидно, очень горевала бабушка, его мама. Сохранились его письма к ней, где он писал, что «мама, я не могу сидеть в тылу, когда вся страна воюет». Он не сидел в тылу. В 44-м году при наступлении на Ленинградском фронте, где-то уже на псковской и эстонской границе, он погиб. А мы были в эвакуации в Тамбове с мамой. Мне не рассказывали ничего о том, что отец погиб.

Е. О.: Про папу не рассказали.

Е. Т.: Нет, ничего. Я ходил каждый... И начали возвращаться наши солдаты. Во дворе, таком большом дворе был кинотеатр. Я решил, что я пойду встретить отца. Он, наверное, меня не помнит, а я его, может быть, узнаю, хотя я его совершенно не помнил. Мне было два годика, по-моему, когда мы уехали.

И я вот так стоял на одном месте, чтобы он меня узнал. Он меня не узнал, его не было уже в живых.

Потом кто-то из соседней маме сказал, что «твой пацан все время ходит к кинотеатру...» Ну, к вокзалу. Это одно и то же было в Тамбове — кинотеатр, вокзал. Она пошла, нашла меня, спросила, что, почему. Я ей объяснил, что так и так. Она очень плакала. На этом все устаканилось и успокоилось.

Женя Татарский с мамой. Май 1940 г. Источник фото: www.profilib.net

Увлечение кино и учеба в школе

Потом мы выбрались в Ленинград, и я пошел в первый класс. Рядом с моим домом (я жил на Карла Маркса¹ тогда, номер шестнадцать) было три кинотеатра. Один при Выборгском доме культуры, кинозал. Второй — Военно-медицинской академии, в клубе показывали кино. А третий был в Доме культуры имени 1 Мая, подальше Гренадерского моста. Мы специально бегали. А еще четвертый — во дворе дома, где мы жили, было такое помещение, которое почему-то называлось «Анонс». Почему его называли все «Анонс» — там просто висели плакаты. Очевидно, поэтому. И там для пацанов показывали бесплатно по каким-то дням кино. Поэтому к кино я был приобщен довольно сильно и довольно серьезно. Школа была хорошая очень. Я написал в книжке про тех, кто учился в школе. Это отражалось.

¹ С 1918 (по другим данным с 1925) по 1991 год Большой Сампсониевский проспект носил имя Карла Маркса.

Е. О.: Может, вы повторите еще раз?

Е. Т.: Повторю, повторю, повторю. Скажем, мама братьев Стругацких преподавала в нашей школе, а они учились в нашей школе. В школе учился такой... В 56-м — 57-м годах был известный оригинальный певец Вячеслав Бесценный, с очень приятным баритоном, участвовал в конкурсах, фестивалях, всяком таком. Он и сейчас, узнав о том, что я написал книжку, прочитал ее (не знаю, где), и пришел на встречу с читателями. Подошел какой-то мужик сзади, а я потерял очки. «Ну что, очки потерял» — «Это кто? Это кто такой?» — «Это я, Бесценный». Действительно, Слава Бесценный. В нашей школе учились братья Стругацкие. Был Сенкевич. Доктор такой.

Е. О.: Да-да, путешественник.

Е. Т.: Путешественник. Тоже учился в нашей школе, закончил ее. Но и без путешественников... У Гарика Орбели дед был академик Орбели. Гарик учился в параллельном классе. Я в десятом «А», а он в десятом «Б». Или в девятом «А», в девятом «Б».

Е. О.: Вы писали, что это была мужская школа.

Е. Т.: Это мужская. Я не сказал, что Гарик была девочка.

Е. О.: Нет, что вообще это была особенность этой школы.

Е. Т.: Это особенность нашей системы образования была.

Е. О.: То есть тогда было раздельное обучение.

Е. Т.: Раздельное обучение.

Е. О.: После войны сразу, да?

Е. Т.: Да и не только. В 55-м году, если я не ошибаюсь, может быть, в 56-м объединили мальчиков с девочками.

Е. О.: Мужскую и женскую объединили. Какие-то были особенности в этой школе, в мужской? Такое мужское братство было.

Е. Т.: Я не знаю, как в других. У нас была хорошая ситуация, хорошая обстановка. Не было таких откровенных наркоманов, хулиганов, уркаганов. Было всего понемножку как-то, как и в любом другой школе. Школа была хорошая. У меня остались светлые воспоминания о школе, потому что много читали. Если что-то не читал... «Слушай, ты читал „Три товарища“?» — «Нет». — «Прочитай». «Я читал „Три товарища“» — «Ах, ах!»

Е. О.: А что-то изменилось, когда девочки пришли к вам?

Е. Т.: Появились девочки. Вот это сильно изменилось.

Е. О.: Атмосфера другая.

Е. Т.: Стали девочки интересоваться мальчиков довольно сильно. Вот это изменилось. Они появились поздно. Мы уже учились в девятом классе, и в этом девятом классе объединили нас.

Е. О.: Как раз самое время появиться.

Е. Т.: Да, да, да. А там раз и десятый — и все, прошло-проехало.

Институт и армия

Е. О.: Что после десятого класса вы решили?

Е. Т.: А после десятого я решил, что буду поступать в Театральный институт, но моя мама стояла насмерть: «Женечка, это не профессия для мужчины. Это не надо». И она понимала, что я не пройду никуда. Думала она, а я думал по-другому. Я поступал все-таки на актерский факультет Театрального института и не поступил. А учился я к этому времени уже в Гидрометеорологическом институте на экологическом факультете.

Е. О.: По просьбе мамы.

Е. Т.: Да. «Ты хочешь ездить, ты не хочешь сидеть на месте. Ну, иди в Гидромет». Я пошел и загремел в армию тут же. А тогда все серьезно было: три года армии. Вот на три года загремел, а через три года вернулся и поступал на режиссерский.

Е. О.: А в армии вы были радистом.

Е. Т.: Да, в армии я был радистом.

Е. О.: То есть там тоже нужен слух.

Е. Т.: Да, слух, еще следить надо, потому что запоминали не то что там «точка, три тире». «Ти, та, та, та, та, та». Давайте я вам что-нибудь напою. Скажем, «та, ти, ти, ти» — тире, три точки. Разные были. Я не буду сейчас... Я был хорошим радистом, хорошим. В конце концов у меня был первый класс, а первый класс — это прибавка к жалованию. Одна лычка была, я был ефрейтор. Стало быть, у меня была за ефрейторство десятка, сорок рублей, за класс — пятьдесят рублей. Девяносто рублей. Это уже серьезно.

Е. О.: Да, девяносто рублей. Это на старые деньги?

Е. Т.: Да, на очень старые.

Е. О.: Девять рублей по-нашему. Ну, то есть не по-нашему, это по-советски, да.

Е. Т.: Девяносто рублей — это была пачка сигарет.

Е. О.: Приличных. Это сгущенка.

Е. Т.: Сгущенка, да. Сгущенное молоко, батон... Кормили очень плохо. Я не побоюсь этого слова сказать. Очень скверно кормили.

Е. О.: Ну, время-то послевоенное еще, собственно говоря.

Е. Т.: Да, поэтому это очень помогало.

Е. О.: А вы служили в Эстонии?

Е. Т.: В Эстонии.

Е. О.: Где-то не так далеко, где воевал ваш отец, получается.

Е. Т.: Да, но я не знаю, где воевал отец. Потом пытался выяснить. Два извещения было о гибели. Меняли административные границы районов, областей. И поэтому в одном случае он погиб в Псковской области, во втором случае погиб под Нарвой в Эстонии. Было непонятно. То, что погиб, было понятно. Такие дела. Ну, и в конце концов я не поступил на режиссерский.

Е. О.: То есть после армии вы пошли поступать на режиссерский?

Е. Т.: Да. Не поступил, и это правильно, потому что я *(щелчок пальцами)*...

Е. О.: Но вы в книжке пишете о том, что благополучно сдали все творческие экзамены, там был этюд, то есть это все прошло...

Е. Т.: Да, актерское мастерство. Я не прошел собеседование. Было трудно. Три года я в лесу...

Е. О.: То есть получается, вы не прошли по конкурсу? Вот на собеседовании?

Е. Т.: Все, все конкурс. Просто это назывался, там...

Е. О.: Коллоквиум. В Театральном институте, кстати, достаточно сложный коллоквиум.

Е. Т.: Наверное, да. Я сейчас плохо помню.

Е. О.: Я помню. Я тоже туда поступала *(смеется)*.

Е. Т.: Значит, на какой стенке висит картина Сурикова... А я забыл.

Е. О.: Да-да-да, там глубоко очень.

Работа на Леннаучфильме

Е. Т.: Очень глубоко. Ну, ничего. Я тогда пошел работать на Леннаучфильм чернорабочим. Называлось это очень картинно: «универсал восьмого разряда». То, что универсал, понятно. Принеси, унеси. Все.

Е. О.: Да, все что угодно.

Е. Т.: А восьмой разряд — потому что это давало прибавку к зарплате. До восьмого разряда...

Е. О.: Хотя чуть-чуть. Там же очень низкие оклады были.

Е. Т.: Очень низкие. Во всяком случае, хотелось ухаживать за девушками, а на это денег никаких не было, поэтому брались за халтуры. А халтуры также на Леннаучфильме. Я это в книжке описывал. Приходил начальник отдела снабжения: «Ре-ре-ребята, есть ха-халтура». — «Какая?» Нас звал на Навалочную²: грузить доски, привезти, разгрузить. Когда мы все это делали, там, пять дней — «Теперь надо сложить их в штабель». В общем, какие-то десятки он нам давал.

² Навалочная — железнодорожная платформа на московском направлении Санкт-Петербургского отделения Октябрьской железной дороги.

Е. О.: То есть после работы вы еще грузили эти доски.

Е. Т.: Нет. Доски грузили тогда во время работы. Это наша работа была...

Е. О.: Основная. А складывать?

Е. Т.: Это уже такая ха-халтура. Заикаться он начинал сильно, когда речь шла о деньгах, а так не очень сильно. А еще у нас был Вася Боцман: «Не пойдет. За такие деньги Жучкам водить хоровод». — «Вася, ну а что же?» — «Да не, плати как следует». Ну, как следует — он добавлял еще три рубля почти, и получалось как следует.

Е. О.: Это уже зачет. И долго вы так проработали?

Е. Т.: Ты знаешь, долго, почти год. Без месяца год.

Е. О.: Очень даже прилично.

Карьера в кино

Е. Т.: Очень прилично. Зато я уже знал всех на Леннаучфильме. Многие знали меня. И Венгеров запустил здесь свой фильм «Рабочий поселок». Женя Гуков, художником был, говорит: «Давай?» — «Ну, давай». Это отдельная моя боль. Ну, пришел, поговорил: «Давайте?» Значит, в отдел кадров. «Ну, давайте, давайте». А я только из армии пришел. Все было нормально для начальника отдела кадров.

Е. О.: И уже опыт на студии.

Е. Т.: Да. Ну, опыт чернорабочего, а здесь уже помощник режиссера. «Заполняйте анкету, приносите».

Я заполнил анкету, принес. «У нас нет места». Я ничего не мог понять, но потом уже, через энное количество времени разобрался, что препятствием послужил пятый пункт.

Е. О.: Фамилия не подошла.

Е. Т.: Фамилия-то ничего, а национальность...

Е. О.: Национальность. Да, понятно.

Е. Т.: «Нет мест». Я пошел к начальнику производства: «Не берут». — «Как не берут? Нам нужен человек». — «Меня не берут». Замдиректора студии пришел к директору студии. Скандал был грандиозный! Во всех этих коридорах был слышен скандал. Стоял ор. В конце концов победил замдиректора студии. Меня взяли на одну картину. Тогда я уже отказался: «На одну картину я не пойду».

Е. О.: По договору, да? На одну картину.

Е. Т.: Не договор, а просто вот такая формулировка «в штат на одну картину». Ну, картина... Зачем? Я там работаю, а здесь я приду, картина закончится, и я снова... «Не, не пойду». На что мне замдиректора студии сказал: «Вы что, пьете?» Я говорю: «Нет». — «Ну, а какие проблемы? Начнете работать, будете работать. Картина закончится — перейдете на другую картину». Вот так легко это все было. Так, собственно, и произошло. Картина закончилась — я перешел на следующую картину. Со следующей — еще на следующую.

Е. О.: Но это пока ассистентом, да?

Е. Т.: Это помощником режиссера в том же «Рабочем поселке». Вот ассистентом. Голынская ушла, и второй режиссер, Алексей Герман, мне говорит: «Слушай, а давай ты переведешься в ассистенты? Зарплата же чуть больше». Я говорю: «Давай». Меня перевели в ассистенты. Вот так началась карьера в кино. В ассистенты, а через картину или через две я уже стал вторым

режиссером. Уже все эти бабы мне шипели вслед. Представляешь, если бы я был девушкой, что бы шипели? Но и здесь шипели сильно. Ну, ничего. Это я пережил.

Евгений Татарский на съемках. Фото предоставлено Е. М. Татарским

Я был молод, энергичен. Уже поступил в Институт культуры. Был замечательный педагог у нас в Институте культуры. Я до сих пор считаю, что если я чему-нибудь научился в разговорах с артистами, как себя вести с артистами, то это в Институте культуры благодаря нашему педагогу: Лев Гаврилович Тепляков был такой. Знаете, может быть? Замечательный педагог, замечательный. Он делал эти этюды на раз. Я без ложной скромности скажу: я был одаренный человек, актерски.

Е. О.: Актерски.

Е. Т.: Актерски. И без стеснения, без всего я знаю, что он был очень добр к артистам. И так пошло, пошло, пошло.

Е. О.: То есть у вас получилось, что вы уже на практике всю эту режиссуру осваивали, и параллельно подкреплялось обучением в институте.

Е. Т.: Да-да-да. К тому времени, когда я заканчивал институт, я уже на студии... Да, я сказал, что перешел на «Ленфильм»?

Е. О.: Да-да-да. Что вы пришли.

Е. Т.: На студии уже полный порядок. Картины были знаковые: «Синяя птица», что еще там...

Е. О.: С серьезными режиссерами вы работали и у них учились тоже.

Е. Т.: Венгеров, с одной стороны. С другой стороны, кто еще? А с другой стороны, Хейфиц, который меня чуть не подловил. Он спрашивал Михаила Иосифовича Генденштейна, директор который: «А кто здесь будет на площадке работать?» — «Женя». И вот первый съемочный день. Нужно на площадке работать. Хейфиц: «Женя, разводите». Ничего себе — «разводите». А в кадре Папанов и какие-то старухи идут с рынка, рядышком со студией который. «Разводите».

” Очевидно, по моему растерянному лицу оператор Генрих Маранджян понял, что я поплыл. Он говорит: «Женя! Возьми Папанова, начни с него, а потом старух расставишь». Я так и сделал.

Подскочил к Хейфицу. «Хорошо, давайте, давайте. Репетируйте». Вот это первое «репетируйте» было знакомым, замечательным, потому что еще много раз на картинах Хейфица он говорил (я запомнил эту фразу): «Женя, приезжайте, снимите этот эпизод. В Голливуде это вообще вторые режиссеры снимают».

Е. О. (*смеется*): А это на какой картине было?

Е. Т.: Это на картине «Салют, Мария!»

Е. О.: «Салют, Мария!»

А. Д. Папанов, И. Е. Хейфиц, Е. М. Татарский, Г. А. Юматов (справа налево) во время съемок фильма «В городе С.». 1967. Источник фото: www.profilib.net

Съемки фильма «Салют, Мария!»

Е. Т.: «Салют, Мария!» — это был громадный объект, который мы снимали. Жили мы где-то в Коктебеле. Снимали в Феодосии, в Феодосийском порту. Человек пятьсот массовка. Корабли, мулы, лошади, артиллерия. Черт ногу сломит. Хейфиц не поехал вообще. «Женя, такие эпизоды в Голливуде снимают вторые режиссеры. Приезжайте, снимите». Женя поехал, набрался наглости, уговорил Генриха. Генрих был оператором. Он руководил съемочным процессом. Мы начали снимать.

Закавыка, как говорил наш первый президент России, вот такая закавыка произошла в момент, когда герой... Героиня была Ада Роговцева, а герой был испанский режиссер и испанский актер Анхель Гутьеррес. По мизансцене они прощаются возле ворот. Ему кричат: «Пабло! Пабло!» Он бросает Марию, целует, бежит к шляпкам на причал, на пирс, и он должен с пирса прыгнуть в воду. Там я посадил шесть или семь каскадеров в морской французской форме, которых предупредил: «Как бы он ни прыгнул, надо поймать его. Плавать он не умеет». — «Да о чем вы говорите! Поймаем!» Он бежит, бежит, бежит и с причала пытается прыгнуть в лодку, а лодка качается довольно сильно, и струхнул, начал сучить ножками и не прыгнул. Пленка дорогая, «Кодак», это все... «Стоп! Еще раз! Давайте, Анхель! Начали!»

”

Он бежит, бежит, бежит и опять сучит ножками и не прыгает. У меня микрофон в руке, не мегафон, а микрофон, говорящий на весь порт. Я кричу: «Прыгай, трус!» — я сообразил, что испанца можно этим взять. Он закрыл, очевидно, глаза и бросился вниз головой.

Они его поймали. Вечером, когда я приехал в Коктебель, меня встретил Хейфиц, бледный. «Женя, что у вас произошло с Анхелем?» — «Иосиф Ефимович, да ничего страшного не произошло. Вот то-то, то-то, то-то». — «Пойдите, извинитесь перед ним. Он совершенно белого цвета, губы трясутся: „Работать не буду. Я уезжаю. Либо я, либо ваш второй режиссер“». Я пошел. Анхеля я знал до того, как начали работать на этой картине. Я познакомился с ним во время съемок фильма «Живой труп» (второй венгерский), когда приехал за цыганами в театр «Ромэн». В коридоре театра «Ромэн» я застал жуткую картину, как режиссер Анхель Гутьеррес, театральный режиссер, орет на солиста театра Николая Сличенко: «Что вы себе позволяете! Вы думаете, что вы артист? Вы никакой не артист! Вы никто! Так, едва-едва!» Ну, в общем, такой был очень мощный ор. Я ему напомнил. Я говорю: «Анхель! Хотите, я вам напомню историю вашу?» Он так вспомнил, заулыбался. Я говорю: «Ну так что? Видите? Вы для дела позволили себе макнуть Сличенко. А я для дела сказал громко, что вы трус, — и вы прыгнули». Он заулыбался: «Пойдем, выпьем коньяку». Я говорю: «Пойдем». На сём инцидент был исчерпан.

Еще были какие-то такие эпизодики, когда Хейфиц меня... Ну, первый раз он сказал на той съемке: «Женя, разводите». А потом он уже доверял Жене: «Такие сцены в Голливуде снимают вторые режиссеры. Приезжайте, снимайте».

Евгений Татарский на съемках. Фото предоставлено Е. М. Татарским

«Пожар во флигеле»

Е. О.: Евгений Маркович, а ваша первая картина, вот «Пожар во флигеле». Это была первая самостоятельная картина, да?

Е. Т.: Да, первая самостоятельная.

Е. О.: И которая сразу получила...

Е. Т.: Гран-при в Мюнхене.

Е. О.: Потрясающе, первая картина получила гран-при.

Е. Т.: Причем я не знал, что ее поставили. Это телевидение само делало. И меня вот здесь, возле дверей «Ленфильма» встретил мой школьный товарищ Женя Шкатов. Он был полярный геолог. Мы редко виделись. «Женька, я тебя поздравляю!» Я говорю: «С чем?» — «Ну как с чем? Ты же главный приз в Мюнхене получил!» Правда, слово «Мюнхен» он шепотом сказал. Я говорю: «Где?» — «В Мюнхене. Ты что, не знаешь?» Я говорю: «Нет. Какая картина?» А я уж забыл, это снималось весной. Я говорю: «Какая картина?» — «Ну, я не знаю, какая картина. Что ты снимал детское?» — «Пожар во флигеле». — «Ну, значит, „Пожар во флигеле“. Это передавало «Радио „Свобода“». Я вчера слышал», — шепотом сказал он.

Е. О.: То есть он первый вам сообщил об этом.

Е. Т.: Да. Потом уже мне чуть попозже позвонили с Центрального телевидения. Барышня сказала, что она представляла «Ленфильм», получила главный приз. Это большой, очень тяжелый и очень красивый глобус хрустальный. Я думаю, это был первый глобус у нас в стране. Потом, когда были конфликты с Гостелерадио, когда они не одобряли мои фильмы, я поглаживал глобус на столе и говорил: «Ну, как хотите. Я...»

” Потом газета «Правда» опубликовала такой разворот, как надо снимать детективы: на левой полосе — как надо, а на правой — как не надо. Как надо — это был мой фильм «Золотая мина», а как не надо, я не помню. И это сильно помогло мне при сдаче следующих фильмов.

Е. О.: То есть было хорошее начало такое.

Е. Т.: Я упирался. Они тоже упирались.

Е. О.: И тут вы гладили глобус.

Е. Т.: И тут я гладил глобус.

Е. О.: Евгений Маркович, а вот фильм «Пожар во флигеле» по рассказу Драгунского. Это какой-то дипломный был или просто

вас...

Е. Т.: Это дипломный.

Е. О.: Это дипломный самостоятельный фильм, и там вы первый раз снимали Олега Даля.

Е. Т.: Сам — да.

Е. О.: Да-да-да. Вы его пригласили на забавный такой эпизод.

Е. Т.: Там взрослых-то было мало, и один из них был Даль. Что меня потрясло — я ему позвонил: «Олег, я буду снимать небольшой фильм. Всего две части, двадцать минут. Там для тебя есть роль на полторы-две минуты. Мне очень хочется, чтобы это был ты». — «Женюра, когда приезжать?» Замечательный вопрос!

Е. О.: Он не спрашивал про подробности.

Е. Т.: Никаких! Ни сколько платить, ничего. Я говорю: «Когда можешь?» — «Когда скажешь». Всё! Он через день уже был на студии. Когда я приехал в костюмерную, он уже был одет. Сам придумал себе костюм. Костюм — это...

Е. О.: Передник на голое тело.

Е. Т.: Да.

Е. О.: Очень забавно.

Е. Т.: Да, передник на голое тело, совершенно верно. Передник, я помню, в синенький цветочек был.

Олег Даль. Кадр из фильма «Пожар во флигеле». Фото предоставлено Е. М. Татарским

Е. О.: И у вас там был очень хороший художник еще, на фильме.

Е. Т.: Художник?

Е. О.: Художник.

Е. Т.: Всегда один был только художник. Исаак Михайлович Каплан.

Е. О.: Каплан, да.

Е. Т.: А мама моя сидела с моим сыном, который тоже снимался в этой картине. Сыну было около трех лет, он был в детском саду, и оставить его не с кем было. Мы забрали его. Тут, возле студии, в скверике мы снимали, и Каплан ползал на коленях и втыкал в землю...

Е. О.: Кусочки дерна с травой.

Е. Т.: Кусочки дерна.

Е. О.: Да-да-да.

Е. Т.: И тогда он повернулся и говорит маме: «Вот так работаю на вашего сына». И действительно это так, потому что речь шла о том, что это детская хоккейная площадка, которая... Каплан понимал, что если она осталась с зимы, то там уже травка выросла и так далее.

Е. О.: Возле стеночки как раз.

Е. Т.: Вот он этот дерн и вставлял.

Е. О.: Это характеризует подход к фильмам того времени, вот эти отношения. И вот эта детальная точность. Была возможность такая, да? Но это еще от человека зависит, что именно он так...

Е. Т.: Естественно, естественно, естественно. Он так трогательно ко мне относился, тепло.

Е. М. Татарский и И. М. Каплан. Источник фото: www.profilib.net

Об актерах

Е. О.: И что было после этого фильма, когда вы уже получили награду? Какой у вас следующий фильм был?

Е. Т.: «Золотая мина».

Е. О.: «Золотая мина».

Е. Т.: После «Золотой мины» был «Приключения принца Флоризеля», после «Приключений» — еще что-то, ну и так далее. Дальше пошло очень... До «Джек Восьмёркин — „американец“», тут они были почти...

Е. О.: Я читала еще в вашей книге, что были актеры, которых практически вы открыли.

Е. Т.: Каждый раз. Каждый раз. Каждый раз это бывало.

Е. О.: И у вас была группа любимых актеров, которые переходили... Во всяком случае, Олег Даль у вас в нескольких фильмах снимался. И, как я поняла, Любовь Полищук — ваша такая любимая актриса.

Е. Т.: Просто Люба появилась на «Золотой мине». А следующая картина — «Приключения принца Флоризеля». Киндинов — «Золотая мина» и «Приключения принца Флоризеля». Ну и так далее.

Любовь Полищук. Кадр из фильма «Золотая мина». Фото предоставлено Е. М. Татарским

Глузского я не взял в фильм «Приключения принца Флоризеля». Он со мной перестал здороваться. А я не понимал, в чем дело. Я говорю: «Михаил Андреевич, здравствуйте». — «Здрасьте». Я в ужасе. Говорю: «Что-нибудь случилось?» — «Случилось». Я говорю: «Что случилось?» — «Случилось то, что вы всех взяли в следующую картину просто так, а меня нет. Почему?» Вот так агрессивно. Я говорю: «А что бы вы играли?» — «Ну, то, что играл Банионис». Я говорю: «Нет, Михаил Андреевич, это не ваша роль». На этом мы закончили разговор. Он не понимал просто. Хороший артист, но артист, а не режиссер. Он не понимал, что мне нужен артист со шлейфом положительных ролей, чтобы он не был такой монстр, а у него были бы мягкие, положительные роли. А Михаил Андреевич был очень резковатый. Но разговаривать мы перестали. Он перестал.

Е. О.: Вы рассказывали мне в беседе о том, как Алексей Герман оценил ваш фильм «Приключения принца Флоризеля».

Е. Т.: В очень восторженных тонах. Мне неудобно про себя говорить, но...

Е. О.: Но там был какой-то изысканный комплимент.

Е. Т.: Изысканный. Это был почти сорокаминутный разговор по телефону, а в конце он сказал: «Я вообще знаю только два фильма по стилистике вот таких, как «Флоризель». Я говорю: «Ну, первый — мой «Флоризель». А второй какой?» «А второй — «Шербурские зонтики», — сказал мне Герман. Очень трогательно.

Е. О.: Да, замечательно.

Е. Т.: Очень трогательно.

О современном кино

Е. О.: Евгений Маркович, вот это все кино было в советское время.

Е. Т.: А кино вообще было в советское время.

Е. О.: Кино было в советское время?

Е. Т.: Сейчас не кино, сейчас бизнес. Мне тут позвонили из Москвы, предложили почитать сценарий. «Вот мы хотим вот это». — «Как же вы хотите начинать биографию студии — это новая студия, — с такой гадости?» — «Евгений Маркович, это же бизнес». — «Ну, если бизнес, тогда и иди в другое место. Я бизнесом не занимаюсь». Я не хочу сказать, что искусством чистым занимаюсь, но все-таки... В общем, на этом мы закончили разговор.

Е. О.: Печально.

Е. Т.: Кино — это бизнес теперь.

Е. О.: Теперь да. И тем не менее в период перестройки, в 90-е вам приходилось работать, это была ваша работа, вам надо было как-то жить, и вы участвовали в телевизионных проектах, насколько я помню из книги.

Е. Т.: Ну да, нужно было.

Е. О.: И что это было?

Е. Т.: Что это за проекты? Одна из серий в сериале «Менты». Позвонил мне продюсер Саша Капица — это мой товарищ был просто — и говорит: «Слушай, а давай ты возьми вот...» Я взял книжку и почитал. «Ну вот это давай». Я взял и сделал. Что еще?

Е. О.: И там несколько режиссеров снимало по серии? Кто там еще был?

Е. Т.: Там был Рогожкин, там был Бутурлин и кто-то еще четвертый. Я забыл.

Е. О.: И каждый делал свою серию.

Е. Т.: Да, скорее всего, серию. А попозже мне позвонили с телевидения... (*Слышно, как открывается дверь*) А знаешь, кто к нам пришел? Это [Света Кармалита](#), главный редактор киностудии «Ленфильм».

Е. О.: Да, мы с ней беседовали.

Е. Т.: Ты, наверно, есть очень хочешь, Свет?

Светлана Игоревна Кармалита: Нет. Вы сказали через час, через час я и пришла.

Е. О.: Да-да, сейчас мы будем уже закругляться.

С. К.: Я тихонечко посижу. Помешаю?

Е. О.: Конечно.

Е. Т.: Почему же помешаешь. На чем мы остановились?

Е. О.: Был первый сериал «Менты»...

Е. Т.: А потом позвонили из Москвы. Зам Эрнста позвонил мне и говорит: «Слушайте, мы запускаем сериал „Убойная сила“. Сделайте нам там...» — «Денег нет, ничего нет». — «Все найдем, приезжайте». — «Как приезжать?» В общем, это был очень длинный ночной разговор. В конце концов я прилетел. Денег действительно мало. Я не про себя говорю, а про бюджет.

Е. О.: Про бюджет фильма.

Е. Т.: Бюджет фильма, да. Но я взялся и сделал. Это была «Убойная сила». Там я открыл зрителю артиста Костю Хабенского. И еще одного артиста...

Е. О.: Федорчука. Федорчук он, по-моему? Или нет. Федорцов.

Е. Т.: Что-то такое. А его тестя играл... Все уже вылетело из башки. Все вылетело из башки.

С. К.: И не пытайся! Я тоже ни одну фамилию не могу вспомнить. Ни единой!

Е. Т.: Вспомнишь имя, а я фамилию вспомню.

С. К.: А я и не знаю, кроме Кости Хабенского. Федорцова ты имеешь в виду?

Е. О.: Федорцов, да. Что замечательно, в своей книжке вы это все очень четко написали. Поэтому кто заинтересуется, тот просто прочтет «Записки кинорежиссера», и там будет история и про «Ментов», и про «Убойную силу».

С. К.: А требовать от нас, чтобы мы помнили фамилии, — это хамство.

Е. О.: Нет, нет, нет (*смеется*). Мы не требуем.

Е. Т.: Чего ты сказала?

С. К.: Требовать от нас, чтобы мы помнили фамилии, — это хамство и душевная глухота!

Е. Т.: Абсолютное!

С. К.: Да, безусловно!

Е. Т.: Вот как-то так справился с «Убойной силой». Открыл зрителям Костю. Потом собирался еще раз снимать его, и автор сценария на телевидении сказала: «Татарский хочет снимать Костю». — «Как? Костю мы не дадим. Костю мы сейчас будем снимать в „Колчак“». Она ко мне: «Евгений Маркович, они не отдадут его!» — «Что значит „не отдадут“?» Я позвонил Косте. А Костя ко мне трогательно относится. Во-первых, я ему обещал успех в фильме, и он был. Во-вторых, я долго пробивал и пробил ему звание заслуженного артиста. Он был до слез тронут. Вот, это два-с. В-третьих, он мне перезвонил и сказал: «Евгений Маркович, я знаю эту историю с телевидением. Вы знаете мое отношение к вам. Если там какие-то будут трудности и мне нужно будет выбирать вы или „Колчак“, то пошел „Колчак“ к черту! Конечно, я буду работать с вами, а потом все остальное». С этим проектом у меня не сошлось, и Колчака он сыграл. Он хороший, трогательный парень и замечательный артист.

Е. О.: У меня такое сложилось ощущение, что для вас вот эти человеческие качества: дружба, преданность, благодарность, — они очень-очень важны.

Е. Т.: Очень важны. Вообще человеческие качества. Даже если нет ответной реакции, просто человеческие качества очень важны. Я не могу работать с людьми, которые мне несимпатичны. Просто не могу.

Е. О.: Но был такой случай в вашей работе, когда вы дали слово работать на фильме, помогать Володину, и спустя несколько дней получили очень выгодное и интересное предложение... «Выгодное» — это, может быть, не совсем то слово. Просто это была возможность работать в Норвегии.

Е. Т.: То, то слово. В Норвегии, а знаешь, что такое...

Е. О.: А в то время это было практически что-то невероятное. И вы отказались, сказав, что «я дал слово». Меня это просто...

Е. Т.: Абсолютно так и было. И режиссер, который меня уговаривал, посмотрел на меня, как на сумасшедшего. Он трижды повторил: «Женя, вы сейчас приходите ассистентом. Через неделю вы будете вторым режиссером. И это в Норвегии, два месяца». А я так хотел купить машину, и это в Норвегии произошло бы. Это произошло, только много времени спустя. Я работал с Масленниковым. На суточные купил старенький «Москвич». Что было моим первым автомобилем в жизни.

О СЫНЕ

Е. О.: Евгений Маркович, у вас есть сын, который тоже режиссер, как я понимаю?

Е. Т.: Да.

Е. О.: И с детства он бывал у вас на съемках и даже, по-моему, снимался. Вот он снимался первый раз в три года, потом...

Е. Т.: Потом еще в какой-то «Убойной силе».

Е. О.: Вот он режиссер уже другого времени. Вот сейчас.

Е. Т.: Конечно.

Е. О.: Времени, как вы назвали, когда бизнес стал важным в кино. Вы в курсе, как работает он? Что происходит?

Е. Т.: Он не говорит ничего.

Е. О.: Он не говорит.

Е. Т.: «Что ты снимаешь? О чем ты снимаешь?» — «Папа, посмотришь когда-нибудь в кино».

Е. О.: Но вы видели его фильмы? Уже результаты.

Е. Т.: Видел, видел, видел.

Евгений Татарский с сыном Виктором. Источник фото: www.profilib.net

Е. О.: И как вы относитесь к этому?

Е. Т.: Достаточно крепкие фильмы.

Е. О.: Крепкие фильмы.

Е. Т.: Об одном его фильме я сказал: «Я бы так не снял». Он был в восторге от этой реплики. «Папа!» — он был так тронут. Действительно, я бы так не смог. Не то что я бы так не снял.

Е. О.: Это современный язык какой-то другой или что?

Е. Т.: Да, другое все, монтаж другой.

Е. О.: А это что за фильм?

Е. Т.: Я не помню названия, но все-таки...

Е. О.: Его зовут Виктор?

Е. Т.: Виктор.

Е. О.: Виктор Татарский.

Е. Т.: Да. Виктор Евгеньевич.

Е. О.: Виктор Евгеньевич. Вы основали, получается, династию. И у вас еще есть внуки.

Е. Т.: Да, два внука.

Е. О.: Так что есть надежда, что все-таки кино...

Е. Т.: Будет жить.

Е. О.: Будет жить, будет продолжаться, несмотря на бизнес, если вы...

Е. Т.: Нет, и даже сейчас... Вот вчера я с ним разговаривал. Где-то он там отдыхает сейчас, в какой-то области. Я говорю: «А что с кино?» Когда он уезжал, должен был подписать договор. «Да нет, это сорвалось, пап». Я говорю: «Почему?» Ну, не хочет говорить. Они сказали ему, «что Виктор Евгеньевич, давайте, берите, платим столько-то». Они сказали цифру, о которой я даже не мечтал в своей жизни. Я очень порадовался за него. Потом я спросил у него аккуратненько: «Ты договор подписал?» — «Да нет, это сорвалось». Я говорю: «По поводу денег?» — «Ну да, они что-то там...» Они действительно назвали сумасшедшие цифры. Сумасшедшие.

Преподавание режиссуры

Е. О.: И какое-то время, вы рассказывали, вы преподавали.

Е. Т.: Да, периодически, когда работы не было, я преподавал. Немножко в консерватории. Один сезон, один год.

Е. О.: Режиссером, да?

Е. Т.: Режиссером в музыкальном театре. И немножко, один год тоже, в институте... Забыл, как называется учебное заведение, где Запесоцкий.

С. К.: Профсоюзов.

Е. Т.: В Университете профсоюзов, да.

Е. О.: У Запесоцкого.

Е. Т.: Там тоже режиссером. Первый курс, я так копнул, а они совсем зеленые. Я говорю: «Знаете, я режиссуру преподавать вам не буду. О режиссуре я могу рассказать». — «Ну, расскажите». Вот я рассказывал о режиссуре: что такое, как, чего, какие подходы, какие уходы, что надо почитать, что надо знать.

Книга «Записки кинорежиссера о многих и немного о себе»

Е. О.: Что вас подвигло написать книгу?

Е. Т.: Книгу. Вы знаете, я бы ее никогда в жизни не написал, если бы не позвонили из издательства и не предложили сразу: «Евгений Маркович, мы хотим, чтобы вы написали, а мы ее издадим». Вот такой разговор деловой был. Я говорю: «Когда?» — «А когда? Назовите сроки». Я говорю: «Назовите вы». Они назвали. «Я вам не напишу за такие сроки. Просто это очень большой срок, мне будет неинтересно». Девушка так удивилась, говорит: «А когда?» Разговор был там, я не помню, поздней осенью. Я говорю: «К маю она должна быть готова». — «Мы в восторге. Давайте!» К маю я ее и сдал. Там есть последние строчки: «9 мая...»

Е. О.: Да-да-да. Я с удовольствием прочла эту книгу, мне было очень интересно.

Е. Т.: Спасибо на добром слове. Скажите, Светлана Игоревна, а вы прочитали мою книжку? Сейчас хамство будет в ответ (*усмехается*).

С. К.: Наша любовь с тобою, Женя, не нуждается в дополнительной подпитке.

Е. Т.: Очень трогательно. А я думал будет так: «Да, а ты подарил?»

С. К.: Да, ты подарил, кстати?

Е. Т.: А, кстати, нет.

С. К.: Конечно, нет!

Е. О.: Лично я купила и сейчас попрошу подписать. Евгений Маркович, огромное спасибо вам за беседу.

Е. Т.: Огромное пожалуйста.

Е. О.: Очень интересно было, после того как я прочла книгу, еще что-то вживую прослушать с нюансами и с деталями.

Е. Т.: Спасибо вам на добром слове. А ваши ямочки очаровательны!

Е. О.: Спасибо!

С. К.: Ой-ой-ой!

Е. Т.: Что такое?

С. К.: Ловелас!